

Предо мной предстал он - Ликеянин

Нувиша Пенталь

Нувиша Пенталь

**Предо мной предстал
он – Ликеянин**

«Автор»

2025

Пенталь Н.

Предо мной предстал он – Ликеянин / Н. Пенталь — «Автор»,
2025

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ЧЕРНЫМ СОЛНЦЕМ Идиллию детского сада
"Счастье" нарушает новенькая. Ее глаза светят изумрудной ложью, а клыки
жаждут жертв. Теперь сторожу-великану предстоит узнать: «Ты — мертвый
камень, падаль, хулящая Землю и Свет» — и сделать выбор: Стать воином
забытого бога Принести последнюю жертву Или отдать демонице детские души.

© Пенталь Н., 2025

© Автор, 2025

Нувиша Пенталь

Предо мной предстал он – Ликеянин

Предо мной предстал он – Ликеянин

*Тело его непостижимо зияло, как черное солнце, на челе его
кровоточил рубиновый венец, а изумрудный взгляд мерцал дикими
бликами*

*Он показал мне скрижаль – её содержание возбудило в глазах моих
слезы, которые, попав на язык, были на вкус как капли меда, но в нутре
они болезненно обжигали, как злая горечь*

Даже после пробуждения, Тодор еще долго соблюдал паническую неподвижность, сковавшую его тело выступившими на нем каплями влаги. В тусклом лунном освещении, что робко заглядывало во враждебную к ней тьму берлоги, присоединенному к кровати казалось, что пот, выступивший на нем, имел неестественно – черный цвет, будто ужаса, что доселе хранился в его плоти, было настолько много, что он выплеснулся из своего пристанища, которое больше не смогло вместить в себя такой объем этой, как по идее должно быть, невесомой субстанции. Воспоминания о не-человеке, явившемся к нему во сне, заморозившему его драгоценным взглядом и заставившему его рыдать, принося таким образом жертву своему повелителю Зверю были столь пугающи, что заняли все его мысли. Очень большой человек, лежа в своей кровати, ощущал себя теленком, что в месте своего обыкновенного пастбища встретил голодного волка и уже осознавшим, что помощи ждать неоткуда. Сердце его билось все чаще, снова глаза его стали наполняться влагой, а могучее, но бессильное тело даже не могло содрогнуться в приступе отчаяния. Но морок постепенно развеивался, и он наконец смог дышать. Каждый редкий вздох Тодор делал с едва заметным постороннему наблюдателю содроганием. В ноздри его впивался едкий, резкий, одновременно кислый и горький запах, такой запах, который источает шерсть бизона или овцебыка во время брачного периода. Вдыхая его, огромному, как лось, хозяину тесного помещения становилось спокойнее. Это был родной запах, запах его пристанища и лежища в особенности, что пропитал все его окружение за долгие годы жизни в этом месте.

Тодор, едва уместившийся под тремя пледами, наконец унял очередной приступ ужаса после таких вгрызающихся в его память в последнее время снов, наконец, распрямился из позы эмбриона, лёг на спину и, заправив руки за голову, спустя мгновение уснул, ведь он по собственному опыту знал, что наваждение не приходит дважды за ночь.

В этот раз ему во сне явились сладкие грезы о знакомых вещах, о детстве – о сенокосе, о топленом молоке, о теплых и сухих руках Любицы, о трескучем голосе Матроны, вещающем о волшебных Китоврасах и страшном Стухаче, что ходит по горам в плетёнках, сделанных из человеческих связок, чтобы не поскальзываться. Ему виделась и крепкие руки Филиппа, работавшего с молотом и, конечно, игра Иоасафа на шупелке, слышав которую, Тодор, даже в детстве далеко не маленький, бросал все дела, и с остальными детьми бежал в самое волшебное время и место на земле – под старый дуб, в самый полдень, когда в поле выходить было уже нельзя. Сметая все на пути своем, с радостным криком неся к неземному старцу табун из детворы, ожидающей, когда же они вновь прикоснуться к тому чувству, что даровал этот маленький, ветхий человек, с точно таким же, как у них самих, задором в ясных глазах.

Пробуждаясь на этот раз, Тодор был в добром расположении духа – утренний свет, будто старинный товарищ, пробивался сквозь плотные шторы к нему домой, зовя его по делам, которые, между прочим, действительно были.

Пытаясь вообще не вспоминать сегодняшнюю ночь – все же Тодор был свято уверен, что и слишком тоскливым, и слишком веселым из дома было выходить нельзя, потому что тогда ты не сможешь должным образом встретить новый день, он начал неспеша собираться на выход. Ему не нужно было ни с чем сверяться, чтобы сказать, что на улице нет и шести часов утра, так что времени у него было более чем в достатке. Сходя в душ, чтобы смыть с себя резкий запах и вчерашнего, и ночного пота, Тодор было хотел начать одеваться, как вдруг, проходя мимо зеркала, сделал то, что обычно было ему неинтересно – посмотрелся в него. То ли блик от тусклой лампы, то ли пар, исходивший от его тела отразился не совсем естественно образом, но ему показалось, что он увидит в этом маленьком кружочке стекла и алюминия, покрытого чем то дешевым, напоминающим лак, не самого себя, но что то большое. Однако же нет – из небольшого (по сравнению с Тодором, конечно, все вокруг него было небольшим, но зеркало было самых скромных размеров даже по меркам обычных людей) зеркальца на него смотрело его собственное, чем то напоминающее морду лося или лошади, с большими карими глазами, доброе лицо, макушку которого венчала густая грива из курчавых каштановых волос.

Сбросив с себя уже которое наваждение за день, Тодор принялся собираться – он надел широкие брюки из теплой конопляной ткани, черную простую футболку, длинный песчаного цвета плащ и черные кожаные туфли, с кожаным же ремнем. На голову он нацепил классическую шерстяную плоскую кепку, а в руках нес портфель, тоже из черной кожи.

На улице был уже разгар осени – листвы на деревьях толком и не осталось и туманным покрывалом сырость нисходила на город, придавая окружающей действительности ореол тайны и даже опасности. Вся серость спешащих куда то людей высыпалась на улицы, торопясь по автобусным и троллейбусным остановкам. Многие из них видели лица друг друга многие годы, но так и оставались в памяти окружения массой невнятных представлений о внешних признаках, не имея ни малейшего понятия, что творится у остальных в головах. За десятилетия многие завели совместные привычки, приятно разбавляющие рутину – кто то молча курил, кто то выпивал кофе, а кто то заинтересованно наблюдал за бытом других трудяг – спешащих на другие остановки, живущих такой похожей на них, но такой далекой жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.